

Научно-исследовательская статья

УДК 1(470+571)

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-19-31

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК РЕСУРС ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Владимир Антонович Мукин

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,

Чебоксары, Россия,

mukin-va@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9147-3799>

Анатолий Андреевич Румянцев

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,

Чебоксары, Россия,

wersakrum@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9795-3427>

Аннотация. На рубеже XX–XXI вв. постсоветское российское общество столкнулось с глубоким кризисом традиционных смысловых ориентиров и институциональных основ, что породило состояние онтологической неопределенности — фундаментального ощущения непредсказуемости будущего и отсутствия надежных социальных якорей. В рамках доминирующих исследований это состояние часто трактуется исключительно как деструктивный фактор, ведущий к хаосу и аномии. Однако данная работа предлагает альтернативную, продуктивную интерпретацию, обосновывая неопределенность как важный и недооцененный ресурс для социальной и культурной трансформации, способный стимулировать новые формы субъективности и социального творчества. Для достижения этой цели использованы методы философского анализа, интерпретации культурных текстов и социологического наблюдения. Исследование показывает, что вопреки распространенному представлению о неопределенности как пассивном состоянии она выступала активным пространством возможного. В условиях институционального вакуума и кризиса смыслов неопределенность создавала уникальные условия для этического выбора, культурного эксперимента и повседневного социального творчества. Особое внимание уделено анализу трансформации идентичности молодого поколения: вынужденное жить в режиме постоянной нестабильности, оно разрабатывало гибкие, ситуативные и многомерные стратегии самоопределения. Полученные результаты расширяют философское понимание природы кризисных эпох, демонстрируя, что они могут быть не только временем разрушения, но и плодотворным полем для генерации нового. Предложенная интерпретация имеет универсальное значение для анализа условий позднемодерной нестабильности, характерных не только для России, но и для многих других обществ, находящихся в состоянии трансформации.

Ключевые слова: неопределенность, постсоветская Россия, социальная трансформация, философский анализ, субъективность, идентичность, культура, экзистенциализм, социальное творчество

Для цитирования: Мукин В. А., Румянцев А. А. Неопределенность как ресурс трансформации в постсоветской России // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 1 (57). С. 19–31. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-19-31>

Scientific research article

UDC 1(470+571)

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-19-31

UNCERTAINTY AS A RESOURCE FOR TRANSFORMATION IN POST-SOVIET RUSSIA

Vladimir A. Mukin

I. N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia,
mukin-va@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9147-3799>

Anatoly A. Rumyantsev

I. N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia,
wersakrum@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9795-3427>

Abstract. At the turn of the 20th and 21st centuries, post-Soviet Russian society faced a deep crisis of traditional semantic guidelines and institutional foundations, which gave rise to a state of ontological uncertainty — a fundamental sense of the unpredictability of the future and the lack of reliable social anchors. In the framework of dominant research, this condition is often interpreted solely as a destructive factor leading to chaos and anomie. However, this work offers an alternative, productive interpretation, justifying uncertainty as an important and underestimated resource for social and cultural transformation, capable of stimulating new forms of subjectivity and social creativity. To achieve this goal, methods of philosophical analysis, interpretation of cultural texts, and sociological observation were used. The study shows that, contrary to the widespread notion of uncertainty as a passive state, it acted as an active space for the possible. In the context of an institutional vacuum and a crisis of meanings, uncertainty created unique conditions for ethical choice, cultural experiment, and everyday social creativity. Special attention is paid to the analysis of the identity transformation of the younger generation, which, forced to live in a regime of constant instability, developed flexible, situational and multidimensional strategies for self-determination. The results obtained expand the philosophical understanding of the nature of crisis epochs, demonstrating that they can be not only a time of destruction, but also a fruitful field for generating new ones. The proposed interpretation is of universal importance for analyzing the conditions of late modern instability, characteristic not only for Russia, but also for many other societies in a state of transformation.

Keywords: uncertainty, post-Soviet Russia, social transformation, philosophical analysis, subjectivity, identity, culture, existentialism, social creativity

For citation: Mukin, V. A., & Rumyantsev, A. A. (2026). Uncertainty as a resource for transformation in post-Soviet Russia. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (1 (57)), 19–31. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-19-31>

Введение

Распад Советского Союза ознаменовал не только политическую и экономическую трансформацию, но и глубокий онтологический сдвиг в сознании российского общества. Утрата метанарратива социализма привела к краху прежних смысловых координат, породив состояние, которое современные исследователи обозначают как онтологическую неопределенность. Традиционно это состояние трактуется как симптом дезориентации и утраты будущего. Однако в настоящей статье предлагается альтернативная интерпретация: неопределенность рассматривается не как пустота, а как философски продуктивное пространство, в котором раскрываются возможности этического самоопределения, культурного эксперимента и социального творчества.

Этот подход находит поддержку в работах ряда исследователей, подчеркивающих конструктивный потенциал постсоветского кризиса. Так, М. Минаков описывает постсоветского человека как культурно-антропологический тип, сформировавшийся в условиях радикального исторического разлома, когда утрата советского метанарратива открыла пространство не только для тревоги, но и для творческого самоопределения [Минаков, 2024, с. 13, 159]. Аналогичным образом А. Юрчак показывает, как в условиях исчезновения «вечной» советской системы люди начали переосмысливать знакомые формы изнутри, создавая новые смыслы через практику «внезаходимости» — существование «внутри формы, но вне смысла» [Юрчак, 2014, с. 265–266].

Социологические данные также свидетельствуют, что, несмотря на тяжелые последствия 1990-х гг., россияне проявили значительную способность к адаптации, сохраняя психологическую устойчивость и конструируя субъективный порядок в условиях внешнего хаоса [Двадцать пять лет..., 2018, с. 48–52]. Это позволяет рассматривать неопределенность не как патологию, а как условие, в котором возникают новые формы субъективности и социальности.

Целью настоящего исследования является обоснование философской продуктивности состояния онтологической неопределенности в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. как условия формирования новых форм социальности и субъективности. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать феномен онтологической неопределенности в контексте экзистенциальной философии; исследовать культурные практики 1990-х гг. как формы осмысления неопределенности; изучить повседневные стратегии социального творчества в условиях институционального вакуума; выявить потенциал неопределенности для формирования новых идентичностей.

Методы / Методологические основания

Настоящее исследование носит теоретико-философский характер. В качестве методологической основы использованы:

– философский анализ онтологических и экзистенциальных концепций неопределенности (в традициях экзистенциализма, герменевтики и феноменологии);

– интерпретация культурных текстов (кинематограф, литература, музыка) как источников понимания субъективного опыта постсоветской трансформации;

– социологическое наблюдение и анализ эмпирических данных, представленных в работах российских социологов (Л. Д. Гудкова, М. К. Горшкова, В. В. Петухова и др.).

Методологический подход опирается на принцип рефлексивного конструктивизма: неопределенность рассматривается не как дефицит нормативности, а как условие генезиса новых смыслов и практик. В работе также применяется интердисциплинарный синтез: философская рефлексия дополняется данными социологии, культурологии и антропологии.

Обсуждение и результаты.

Неопределенность как экзистенциальный вызов

Крах советской системы означал исчезновение исторического метанарратива, обеспечивавшего чувство целесообразности и моральной определенности. Как отмечает Л. Д. Гудков, российское общество столкнулось с феноменом негативной идентичности, при которой коллективное «мы» формируется не на основе позитивных ценностей, а через противопоставление себя «чужому» — воспринимаемому как угрожающее, чуждое, отвратительное [Гудков, 2004, с. 271]. В условиях утраты смысловых ориентиров идентичность конституировалась от противного, опираясь на страх, недоверие и проекцию враждебности, а не на устойчивые позитивные идеалы.

Этот процесс был обусловлен глубоким институциональным кризисом, сопровождавшимся массовой утратой профессиональных опор. Как показывает О. А. Волкова, экономические трансформации приводили к размыванию профессиональной идентичности, создавая ситуацию экзистенциального вакуума, в которой человек оказывался перед необходимостью переосмысления не только своей социальной роли, но и собственного бытия [Волкова, 2010, с. 87–88].

Однако именно в этом парадоксе и заключается философская продуктивность постсоветской неопределенности: чем глубже утрата устойчивых координат, тем острее становится необходимость самостоятельного выбора. В экзистенциальной традиции — от С. Кьеркегора и М. Хайдеггера до русских мыслителей Н. Бердяева и Л. Шестова — неопределенность рассматривается не как угроза, а как условие подлинной свободы. Отсутствие predetermined ответов ставит человека перед необходимостью ответственности за собственное существование. Как указывает С. А. Лишаев, «философская самоидентичность в современной России характеризуется неопределенностью,

неуверенностью и подвижностью» [Лишаев, 2014, с. 4] — чертами, которые, несмотря на свою тревожность, открывают пространство для этического становления.

А. Юрчак подчеркивает уникальную природу советского коллапса, указывая, что система воспринималась как вечная, но внезапно исчезла, не успев интегрироваться в коллективную память как историческое прошлое [Юрчак, 2014, с. 8]. Это породило онтологический сдвиг: ключевые идеологические категории, такие как пролетариат или светлое будущее, утратили не только политическую функцию, но и устойчивый референт в повседневной жизни. В условиях такого вакуума люди продолжали воспроизводить советские ритуалы и дискурсивные формы, однако одновременно наделяли их новыми, часто ироничными или альтернативными смыслами. А. Юрчак называет это состояние «внеаходимостью» — особым способом существования, при котором субъект находится внутри форм советской системы, но вне ее буквальных значений [Юрчак, 2014, с. 265–266]. Эта практика не сводилась к открытому сопротивлению, но, по сути, трансформировала саму ткань социальной реальности изнутри.

Современные исследования идентичности в постсоветском пространстве подтверждают продуктивный потенциал неопределенности. Как отмечают авторы коллективной монографии «Постсоветская идентичность России и Армении: поиски пути в будущее» под ред. М. М. Мчедловой, тридцать лет социально-политических трансформаций привели к формированию в России и Армении различных траекторий развития гражданской идентичности, обусловленных спецификой исторического опыта, культурного контекста и институциональной динамики [Мчедлова и др., 2024, с. 65–66]. Эти поиски, несмотря на свою болезненность, способствовали формированию более рефлексивной и многогранной идентичности.

Как отмечается в упомянутой выше коллективной монографии, современное понимание идентичности характеризуется множественностью и конкуренцией интерпретаций, а сама идентичность становится «полем специфической политической конкуренции» [Мчедлова и др., 2024, с. 25]. В российском контексте эта конкуренция проявляется, в частности, в противостоянии либеральных и традиционалистских дискурсов. Эта борьба, хотя и создает конфликты, но одновременно стимулирует интеллектуальную рефлексию и поиск новых форм самоопределения. В условиях множественности идентификационных стратегий человек получает возможность выбирать и конструировать собственную идентичность, а не принимать готовые шаблоны.

Таким образом, неопределенность — это не пустота, а вызов, требующий подлинного самоопределения. Она создает условия для возникновения подлинной свободы, когда человек перестает быть объектом внешних определений и становится субъектом собственной жизни. Этот процесс, как показывает опыт постсоветской России, сопровождается как страданием от потери опор, так и радостью от обретения новых возможностей.

Культурные практики как пространство поиска нового смысла

В условиях идеологического вакуума культура конца XX в. стала главным полем формирования новой идентичности. Кино 1990-х гг., в частности фильмы «Брат» (1997) и «Бумер» (2003), не просто фиксировало социальный раскол, но и предлагало новые этические ориентиры через образ героя-одиночки, сохраняющего внутреннюю честь. Российская цивилизационная идентичность, по мнению авторов коллективной монографии под редакцией М. Мчедловой, находится в центре дискуссии, которая «пересекается с понятиями солидарности, гражданственности, справедливости, а также создает внешние проекции — нового мирового порядка и суверенитета» [Мчедлова и др., 2024, с. 33]. Кинематограф стал важным инструментом этого диалога, предлагая зрителю не готовые ответы, а ситуации для рефлексии.

Литература В. Пелевина и В. Сорокина, освобожденная от цензуры, превращала абсурд повседневности в метафизический вопрос, заставляя читателя искать истину самостоятельно. Пелевин в романе «Чапаев и Пустота» (1996) создал метафору постсоветской реальности как «пустоты», в которой старые смыслы растворились, но новые еще не сформировались. Эта «пустота», однако, не является негативом — она представляет собой пространство возможного, где каждый может создать собственную систему координат.

В условиях идеологического вакуума и утраты монополии на истину молодежь начала искать новые способы работы с собой. Как показывают современные исследования, в постсоветском пространстве практики альтернативной духовности, даже если они оформились позже, уходят корнями в ту самую неопределенность рубежа веков, когда индивиду пришлось самостоятельно конструировать смысл и идентичность. Эти практики, интерпретируемые как техники заботы о себе, выражают стремление не к бегству от реальности, а к этическому самоопределению в условиях отсутствия внешних опор [Малиновский, 2023, с. 143–144]. Музыкальные субкультуры, интернет-сообщества, арт-проекты становятся площадками для экспериментов с идентичностью и поиском новых форм самовыражения.

Даже музыка — от русского рока до шансона — выражала новые формы субъективности: иронию, прагматизм, способность к импровизации в условиях внешней нестабильности. Группы вроде «Наутилус Помпилиус» и «Аквариум» создавали музыкальные тексты, которые становились своего рода философскими манифестами поколения, переживавшего трансформацию. Эти практики свидетельствуют о том, что культура 1990-х гг. была не хаосом, а философским диалогом общества с самим собой.

Уже в 1990-е гг., в условиях ослабления институциональных рамок, молодежь начинает экспериментировать с гибридными формами самости, комбинируя элементы массовой культуры, оккультных знаний и фрагментов традиционной духовности. Этот процесс отражает не хаос, а рефлексивную

стратегию адаптации к неопределенности: человек конструирует идентичность, выбирая и сочетая доступные культурные ресурсы, не подчиняясь единой догматической системе [Малиновский, 2023, с. 142–145]. Это изменило саму природу идентификационных процессов, сделав их более рефлексивными, подвижными и ориентированными на микросоциальные, часто горизонтальные сообщества.

Эта тенденция подтверждается и в более широком контексте: как показывают исследования Е. В. Каргаполовой и ее коллег, даже в условиях кризиса общенациональной идентичности у значительной части россиян сохраняется позитивная привязанность к локальному сообществу, что в цифровую эпоху все чаще реализуется через онлайн-сети [Каргаполова и др., 2023, с. 14].

Молодежь в постсоветской России проявляет особую гибкость в условиях неопределенности: она не стремится к восстановлению утраченных метанарративов, а активно конструирует самость как проект. Как отмечают исследователи, такие практики — будь то интерес к эзотерике, астрологии или неоязычеству — часто выполняют функцию самоисследования и этического ориентирования, а не религиозного поклонения [Малиновский, 2023, с. 146–147]. Это подтверждает тезис о том, что неопределенность может быть не дефицитом, а ресурсом этического и экзистенциального творчества.

Таким образом, культурные практики 1990-х гг. стали не просто отражением социальной нестабильности, но активной формой осмысления и преодоления неопределенности. Через искусство, литературу, музыку и цифровые технологии люди искали и находили новые способы самоопределения и социального взаимодействия. Эти поиски, несмотря на свою фрагментарность, создали основу для формирования новой культурной идентичности.

Повседневность как поле социального творчества

Наиболее продуктивный потенциал неопределенности проявился в повседневной жизни. Согласно концепции социологии жизни, разработанной Ж. Т. Тощенко, анализ политического сознания и поведения должен основываться на изучении ценностных ориентаций и установок людей в условиях конкретной социально-экономической ситуации, в том числе в сфере повседневной жизни¹. В условиях экономического кризиса и ослабления социальных гарантий люди искали опору в личной инициативе, частной собственности и расширенных возможностях заработка [Двадцать пять лет..., 2018, с. 45].

Эта адаптация носила не только вынужденный, но и рефлексивный характер: как отмечают М. К. Горшков и В. В. Петухов, значительная часть россиян, оглядываясь на 1990-е, признает как потери, так и важные приобретения,

¹ Политическая социология: учебник / под. ред. Ж. Т. Тощенко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 13.

такие как свобода выбора профессии, перемещения и предпринимательства [Двадцать пять лет..., 2018, с. 48–52]. Именно этот двойственный опыт — травмы нестабильности и ценности личной свободы — лег в основу посткризисной консолидации общества.

Особенно ярко социальное творчество проявлялось в предпринимательской деятельности. Лицам, открывавшим малый бизнес в 1990-е гг., приходилось действовать в условиях отсутствия четких правил и гарантий, что ставило их в положение профессиональных маргиналов — формально включенных в новую экономическую систему, но лишенных устойчивых идентификационных опор. Как отмечает О. А. Волкова, в таких условиях человек вынужден либо имитировать принадлежность к новой профессиональной среде, либо, в случае конструктивной адаптации, перестраивать собственную идентичность на основе новых ценностей и практик [Волкова, 2010, с. 88–89]. Именно этот процесс переосмысления профессионального «я» и открывал возможности для этического выбора и социального созидания.

Повседневные практики выживания в 1990-е гг. часто включали элементы взаимопомощи и коллективного действия. Обмен продуктами между соседями, совместное решение бытовых проблем, создание неформальных кооперативов — все это свидетельствовало о том, что общество способно к самоорганизации даже в условиях кризиса. Л. Д. Гудков в своих исследованиях подчеркивает, что «негативная идентичность в постсоветской России частично компенсировалась позитивными локальными идентичностями, формирующимися в микросоциальных группах» [Гудков, 2004, с. 279].

В повседневной жизни молодежь особенно ярко проявляет способность к рефлексивному конструированию идентичности. Отказ от готовых ответов и открытость к эксперименту с формами самости — от эзотерических практик до новых моделей этики — свидетельствуют о том, что неопределенность становится условием подлинной свободы. Как показывают современные исследования, такие практики часто интерпретируются самими участниками не как уход от реальности, а как путь к внутреннему контролю и осмысленности в мире, лишенном устойчивых ориентиров [Малиновский, 2023, с. 146]. Эти стратегии включают активное использование цифровых технологий для построения социальных связей, участие в волонтерских движениях и развитие навыков непрерывного обучения.

Цифровизация повседневности в постсоветской России также стала важным фактором трансформации социальных практик. Как указывается в коллективной монографии под редакцией М. М. Мчедловой, «специфика алгоритмов социальных сетей подразумевает формирование “эхо-камер” как инструментов аффективной поляризации», что трансформирует идентичностные практики в цифровой среде [Мчедлова и др., 2024, с. 39]. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-сообщества стали новыми площадками для социального творчества и конструирования идентичности.

Таким образом, повседневность 1990-х гг. стала полем практической философии, где конструировалась новая социальность снизу. Люди не просто

адаптировались к новым условиям — они активно создавали новые формы социальности, основанные на доверии, взаимопомощи и рефлексии. Эти практики, несмотря на свою локальность, имели глубокое философское значение, демонстрируя возможность построения общества на принципах гуманизма и солидарности даже в условиях радикальной нестабильности.

Трансформация идентичности как долгосрочный эффект постсоветской неопределенности

Постсоветский опыт приобретает особую актуальность в контексте современных глобальных трансформаций, связанных с цифровизацией и глобализацией. Цифровые технологии действительно создали новые формы неопределенности, но одновременно предоставили инструменты для ее осмысления и преодоления. Как указывают Е. В. Каргаполова и соавторы, постсоветская идентичность, несмотря на свою лиминальность, обладает определенным потенциалом как ресурс интеграции [Каргаполова и др., 2023, с. 19]. В условиях цифровизации и глобализации такие идентичности трансформируются в гибридные формы, сочетающие локальные и глобальные элементы [Волков, Курбатов, 2022, с. 23]. Эти новые формы идентичности особенно важны в условиях постсоветской трансформации, где отсутствие жестких метанарративов открывает пространство для творческого самоопределения.

Подобные процессы особенно ярко проявляются среди молодежи, для которой постсоветская неопределенность стала исходным условием социального опыта. Современные исследования показывают, что молодые люди в России активно конструируют идентичность через практики альтернативной духовности, такие как гадание на картах Таро, астрология или неоязычество. Эти практики, возникшие как реакция на утрату монополии на истину и институциональную нестабильность, функционируют не как вера, а как техники заботы о себе: они позволяют осуществлять самоисследование, устанавливать внутренний контроль и выстраивать этическую автономию в мире, лишенном устойчивых ориентиров [Малиновский, 2023, с. 146–147]. Таким образом, логика постсоветской неопределенности — превращение отсутствия опор в ресурс самоопределения — продолжает жить, обретая новые культурные формы в XXI в.

Хотя сами практики уходят корнями в постсоветский опыт поиска смысла, в XXI в. их распространение все чаще опосредованно цифровыми платформами — не как замена институтам, а как новый формат духовного бриколажа, где алгоритмы подбирают контент, соответствующий внутренним запросам индивида [Малиновский, 2023, с. 147–148].

Цифровые сообщества становятся новыми площадками для социального эксперимента и культурного творчества. Цифровые платформы создают эхо-камеры и новые социальные общности, которые могут частично компенсировать дефициты офлайн-институтов [Мчедлова и др., 2024, с. 38–39]. Эти сообщества

часто становятся лабораториями социальных инноваций, где тестируются новые формы взаимодействия и самоорганизации.

Глобализация и цифровизация также влияют на формирование постсоветской идентичности. Согласно анализу, представленному в монографии «Постсоветская идентичность России и Армении», российская идентичность характеризуется многозначностью и многомерностью, выступая как «субъективная реальность, отражающая восприятие социальности в сознании ее носителей» [Мчедлова и др., 2024, с. 49]. Это создает новые возможности для диалога культур и формирования гибридных идентичностей, но одновременно ставит перед обществом задачи сохранения культурной самобытности.

Современные философские исследования неопределенности в цифровую эпоху подтверждают ее продуктивный потенциал. Хотя в работах М. В. Ненашевой цифровая неопределенность напрямую не рассматривается, ее подход позволяет расширить понимание неопределенности как условия, в котором человек сталкивается с необходимостью принятия решений в условиях неполной информации и непредсказуемости [Ненашева, 2025, с. 118–119]. В этом контексте можно говорить о том, что как постсоветская, так и цифровая трансформация создают ситуации, в которых традиционные ориентиры утрачивают силу, а субъект вынужден действовать в условиях «неизмеримой неопределенности» — той, что нельзя свести к расчету рисков [Ненашева, 2025, с. 117]. Это позволяет рассматривать постсоветский опыт как релевантный для понимания глобальных тенденций современности.

Таким образом, постсоветский опыт трансформации идентичности в условиях цифровой неопределенности демонстрирует, что общество способно к адаптации и творческому переосмыслению собственных оснований даже в самых сложных условиях. Цифровые технологии, несмотря на их амбивалентность, предоставляют новые инструменты для социального творчества и конструирования идентичности.

Дискуссионные вопросы

Полученные результаты позволяют утверждать, что постсоветская неопределенность не была просто кризисом, но также стала условием генезиса новых форм бытия. В отличие от доминирующей в 2000-х гг. трактовки потерянного поколения, анализ культурных, повседневных и экзистенциальных практик показывает высокую рефлексивную и творческую активность субъекта.

Особенно важно, что эта активность проявлялась в отсутствие институциональных рамок — в условиях институционального вакуума. Это подтверждает экзистенциальный тезис: именно в условиях радикальной неопределенности раскрывается подлинная свобода. Практики духовного бриколажа, предпринимательской инициативы, взаимопомощи, культурного эксперимента — все это свидетельствует о том, что общество не дезинтегрировалось, а трансформировалось.

Сопоставление с современными исследованиями (И. А. Малиновский, Е. В. Каргаполова, М. В. Ненашева) показывает, что постсоветский опыт остается релевантным: он предвосхитил многие черты позднемодерной нестабильности — фрагментацию идентичности, роль цифровых сообществ, кризис метанарративов. Таким образом, постсоветская Россия выступает как лаборатория глобальной неопределенности.

Это место наших результатов в структуре научного знания: они соединяют философию, социологию и культурные исследования, предлагая онтологически насыщенную интерпретацию социального кризиса — не как коллапса, а как креативную лиминальность.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что неопределенность в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. выступала не как симптом кризиса, а как ресурс трансформации. Она породила условия для возникновения подлинной свободы, диалога и этической ответственности. Онтологически — это пространство возможности; культурно — поле эксперимента; повседневно — сфера социального созидания.

Постсоветский опыт демонстрирует, что даже в условиях радикальной неопределенности человек и общество способны не только выживать, но и творчески конструировать новые формы бытия. Этот опыт имеет универсальное значение для понимания современных глобальных трансформаций, связанных с цифровизацией, глобализацией и культурной гибридизацией.

Философский анализ постсоветской неопределенности позволяет переосмыслить саму природу кризисных эпох. Как показывает опыт России, кризис — это не только разрушение, но и возможность для возрождения на новых основаниях. Неопределенность становится ресурсом, когда общество способно к рефлексии и творчеству, когда оно не боится вопросов без готовых ответов.

Таким образом, неопределенность — это не отклонение от нормы, а экзистенциальная норма современности, с которой сталкивается все человечество. Постсоветский опыт России предлагает уникальный материал для понимания того, как общество может преодолевать кризисы и находить новые пути развития даже в самых сложных условиях.

Список источников

1. Минаков М. Постсоветский человек и его время. Опыт философского осмысления постсоветской эпохи. Рига: Brīvā Universitāte, 2024. 186 с. <https://doi.org/10.55167/0126d4d79b70>
2. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

3. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь мир, 2018. 384 с.
4. Гудков Л. Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
5. Волкова О. А. Профессиональная маргинализация в условиях глобального экономического кризиса // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2010. № 3. С. 86–94.
6. Лишаев С. А. Неуверенная идентичность (самосознание философа в современной России) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2014. № 2 (16). С. 3–23.
7. Постсоветская идентичность России и Армении: поиски пути в будущее: монография / М. М. Мchedlova, О. Л. Саркисян, Д. Б. Казаринова, Н. А. Дунамалян, В. В. Таишева; под ред. М. М. Мchedlova. М.: РУДН, 2024. 341 с.
8. Малиновский И. А. Практики New Age у постсоветской городской молодежи как культурная форма техник заботы о себе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 6. С. 138–157. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-6-138-157>
9. Каргаполова Е. В., Мусаева И. А., Крестова М. А. Постсоветская идентичность: ресурсы интеграции // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 6–25. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-6-25>
10. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 2 (54). С. 15–26. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>
11. Ненашева М. В. Проблема неопределенности в социальных науках (на примере экономики и социологии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25. № 3. С. 114–121. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V440>

References

1. Minakov, M. (2024). *Postsocialist man: philosophical reflections on social history after the fall of communism*. Brīvā Universitāte. (In Russian). <https://doi.org/10.55167/0126d4d79b70>
2. Yurchak, A. (2014). *Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
3. Gorshkov, M. K., & Petukhov, V. V. (Eds.). (2018). *Twenty-five years of social transformations in the eyes of Russians: a sociological analysis*. Ves' mir. (In Russian).
4. Gudkov, L. (2004). *Negative identity: articles 1997–2002*. Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian)
5. Volkova, O. A. (2010). Professional marginalization in the context of the global economic crisis. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, (3), 87–89. (In Russian).
6. Lishaev, S. A. (2014). Unconfident identity (philosopher's self-awareness in contemporary Russia). *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology"*, (2 (16)), 3–23. (In Russian).
7. Mchedlova, M. M., Sarkisyan, O. L., Kazarinova, D. B., Dunamalyan, N. A., & Taishcheva, V. V. (2024). *Post-Soviet identity of Russia and Armenia: searching for a path to the future*. RUDN. (In Russian).

8. Malinovskiy, I. A. (2023). New Age practices among post-Soviet urban youth as a cultural form of self-care techniques. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, (6), 138–157. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-6-138-157>

9. Kargapolova, E. V., Musaeva, I. A., & Krestova, M. A. (2023). Post-Soviet identity: integration resources. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9, (3), 6–25. (In Russian). <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-6-25>

10. Volkov, Yu. G., & Kurbatov, V. I. (2022). Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation. *Humanities of the South of Russia*, 11, (2 (54)), 15–26. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>

11. Nenasheva, M. V. (2025). The problem of uncertainty in social sciences (with examples from economics and sociology). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 25, (3), 114–121. (In Russian). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V440>

Информация об авторах / Information about the authors:

Владимир Антонович Мукин — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия.

Vladimir A. Mukin — Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of the I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

mukin-va@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9147-3799>

Анатолий Андреевич Румянцев — магистрант Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия.

Anatoly A. Rumyantsev — Master's Student of the I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

wersakrum@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9795-3427>

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.